

Ю. Г. Коргунок
**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАРТА
 ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ
 ПО ИТОГАМ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ
 2011 ГОДА**

Ключевые слова: постсоветская Россия, электоральные размежевания, политические размежевания, кластерный анализ

Структура электоральных размежеваний — важный показатель социально-политического состояния общества. Так, в частности, о тенденциях развития современной России очень многое говорит смена доминирующего электорального размежевания: в 1990-х годах таковым было противостояние рыночных модернистов и антирыночных «красных традиционалистов», а начиная с 2003 г. на первый план выдвинулось противостояние по линии «власть—общественность»¹, которое обычно фиксируется в странах, не сделавших окончательного выбора в пользу демократических способов политической самоорганизации и продолжающих балансировать между крайностями авторитаризма и революционной анархии.

При изучении обстоятельств, повлекших за собою изменение структуры электоральных размежеваний в постсоветской России, по-прежнему главным остается вопрос: в какой степени этот процесс был естественным, а в какой рукотворным? Одним из основных аргументов в пользу рукотворности является тот факт, что за прошедшие 20 с лишним лет в стране, по сути, не изменилась структура политических размежеваний. Политическое пространство современной России определяется тремя размежеваниями: «социально-экономическим» (социал-патерналисты против либералов-рыночников), «авторитарно-демократическим» и «системным», соединяющим элементы первого и второго и в общих чертах указывающим на направление развития системы в целом. Причем на протяжении 1993—2011 гг. иерархия этих размежеваний тоже практически не менялась: на первом месте, как правило, находилось «социально-экономическое» размежевание, на втором — «системное», на третьем — «авторитарно-демократическое»².

Однако в плане выборов наблюдается иная картина. Если в 1990-х годах конфигурации электоральных и политических размежеваний более или менее совпадали, то в 2000-х произошла инверсия: в электоральном пространстве на первое место выдвинулось размежевание по линии «власть—общественность», которому в политическом пространстве соответствует «авторитарно-демократическое» размежевание, то есть третье

¹ См. Ахременко [Akhremenko] 2007; Коргунок [Korgunuk] 2009, 2012a, 2012b, 2013.

² Исключение составили только выборы 1993 г., когда «социально-экономическое» и «системное» размежевания поменялись местами. Подробнее см. Коргунок [Korgunuk] 2013.

в иерархии, тогда как первое — «социально-экономическое» — оказалось отгеснено на вторую позицию и слилось с «системным», что породило электоральное размежевание по линии «западники—самобытники»³.

³ *Подробнее об этом см. там же.*

Во многом такой переворот был обусловлен централизацией административного ресурса и направлением его на обеспечение доминирования одной политической силы — «Единой России». Для статистического анализа безразлично, чем вызван столь большой разброс в голосовании за «партию власти» (от 29,04% в Ярославской области до 99,48% в Чечне) — искренней поддержкой электората или махинациями избирательных комиссий. Для анализа важна только величина дисперсии. Но исследователю отнюдь не все равно, имеет ли он дело с реальными цифрами или с фальсифицированными.

⁴ *Там же.*

Использованная в нашей предыдущей статье⁴ методика позволяет признать думские выборы 2011 г. (равно как и все предыдущие) более или менее «настоящими». Выявленные на общероссийском уровне электоральные размежевания в достаточно высокой степени коррелируют не только с размежеваниями политическими, но и со структурой демографической и социально-экономической стратификации общества.

И все же это не снимает вопроса: не измеряем ли мы среднюю температуру по больнице? Если выборы где-то проводятся честно, а где-то лишь имитируются, то общая картина все равно будет выглядеть похожей на «всамделишную». Здесь уместна аналогия с организмом, который остается живым, даже содержит некоторое количество мертвых клеток и тканей. Но когда это количество станет критическим и затронет мозг, даже мнимые признаки жизни вроде роста ногтей и волос не отменят факта биологической смерти.

Чтобы выяснить, «живы» или «мертвы» выборы в сегодняшней России, нужно от анализа данных на уровне регионов перейти на уровень территориальных избирательных комиссий. До недавнего времени такая задача была невыполнима — по причине отсутствия достаточного объема соответствующей муниципальной статистики, однако после публикации подробных данных всероссийской переписи 2010 г., а также создания и продолжающегося пополнения Базы данных показателей муниципальных образований⁵, это препятствие исчезло. Итогом исследования должна стать своего рода региональная карта электоральных размежеваний, позволяющая понять, в каких именно субъектах Федерации электоральная жизнь еще теплится, а в каких омертвление приобрело необратимый характер.

⁵ <http://www.gks.ru/dbscripts/munst>.

Исследовательская методика

В целом методика исследования остается той же, что была использована при изучении структуры электоральных размежеваний на общероссийском уровне (уровне регионов)⁶.

⁶ *См. Коргуныук [Korgunyuk] 2013.*

Первый шаг в указанной методике — выявление с помощью факторного анализа структуры электоральных размежеваний в рамках каждого из субъектов РФ. Полученные результаты сопоставляются

посредством корреляционного анализа со структурой политических размежеваний, выявленной в ходе предыдущего исследования на федеральном уровне. Поскольку думская кампания имеет общенациональный характер, нет смысла исследовать партийную агитацию в отдельных регионах. На местах избиратели, возможно, лучше знают людей, представляющих ту или иную партию, но сведения о том, что именно та или иная партия предлагает, они все равно черпают главным образом из передач центральных телеканалов. А потому политический посыл КППРФ или ЛДПР один и тот же что в Кабардино-Балкарии, что на Чукотке, и если где-то он приобретает дополнительный оттенок, то эти нюансы носят не столько политический, сколько персонально-имиджевый характер. Да и вообще — отказ от единого для всей страны шаблона делает невозможным сопоставление результатов, полученных в разных регионах.

Далее факторные значения (factor scores) электоральных размежеваний посредством пошаговой линейной регрессии сопоставляются с аналогичными показателями факторов социальной стратификации, которые, в свою очередь, определяются путем факторного анализа данных муниципальной статистики для каждого субъекта Федерации. Самая трудная задача на этом этапе — выявление стандартизированного набора факторов социальной стратификации, связанных с теми или иными электоральными размежеваниями.

Наконец, заключительным этапом исследования является установление с помощью кластерного анализа основных групп регионов, близких как по политической «окраске» электоральных размежеваний, так и по степени социально-экономической и демографической обусловленности последних. В качестве данных для кластерного анализа использованы следующие показатели: средняя явка избирателей; корреляция между явкой и голосованием за ЕР; количество электоральных размежеваний, а точнее, доля объясненной дисперсии каждого из них; модули коэффициентов корреляции между факторными значениями (factor loadings) партий для каждого из электоральных и каждого из политических размежеваний; модули стандартизированных бета-коэффициентов из регрессионных моделей, выявляющих связи между электоральными размежеваниями и ключевыми факторами социальной стратификации.

Особо следует остановиться на принципах отбора факторов социальной стратификации для кластерного анализа. Прежде всего несколько слов о том, на основании каких показателей эти факторы рассчитывались. Исходным материалом послужили данные, опубликованные на сайтах региональных подразделений Росстата (материалы всероссийской переписи 2010 г. и сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2010—2011 гг.), а также База данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, пришлось отказаться от такого содержательного показателя, как уровень преступности (количество преступлений на 10 тыс. человек), — эти данные должно публиковать Министерство внутренних дел, однако большинство его

региональных управлений, судя по всему, считают статистику муниципального уровня страшной ведомственной тайной.

Итак, в число показателей, использованных для определения факторов социальной стратификации, вошли: численность населения муниципального образования; площадь его территории; плотность населения; доля городского населения; доля русских; доля женщин; средний и медианный возраст; доля основных возрастных категорий (людей трудоспособного возраста, а также не достигших оно и вышедших из него); коэффициент демографической нагрузки; доля состоящих в браке (в том числе отдельно для мужчин и для женщин); доля имеющих высшее образование; доля работающих; доля ведущих подсобное хозяйство; доля получающих стипендию; доля пенсионеров; доля получающих пособие по безработице; доля экономически активного населения; доля занятых в экономике; доля работающих не по найму среди занятых в экономике; доля работодателей среди занятых в экономике; доля уроженцев соответствующего муниципального образования; доля домохозяйств, не имеющих горячего водоснабжения и канализации; доля домохозяйств, обладающих стационарной телефонной связью и интернетом; количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек; доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования; среднемесячная зарплата работников крупных, средних предприятий и НКО; среднемесячная зарплата работников муниципальных учреждений; отношение зарплат работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО; средняя площадь жилых помещений на одного человека; объем инвестиций в основной капитал на одного человека.

К сожалению, не везде все эти данные были доступны, что, по-видимому, сказалось и на количестве выявленных факторов социальной стратификации — от региона к региону их число варьировало от четырех до девяти. Тем не менее для определения наиболее значимых факторов этого вполне достаточно.

Самый значимый и легче всего фиксируемый фактор — уровень урбанизации, первый по влиятельности для 75 из 82 регионов⁷. Исключение в этом отношении составили только Москва и Санкт-Петербург (по понятным причинам), Калмыкия, Ингушетия, Ленинградская, Московская и Мурманская области. Причем в Ленинградской и Мурманской областях, а также в Калмыкии этот фактор занял второе по значимости место. Доля его объясненной дисперсии варьирует от 9% в Московской области до 57% в Омской.

Фактор урбанизации включает целый комплекс показателей, а отнюдь не только долю городского населения. Более того, если в том или ином субъекте Федерации существует четкое членение на городские и сельские муниципальные образования, то пропасть, разделяющая цифры 0 и 100, не способна отразить всю палитру различий между ними. Поэтому нередко гораздо более красноречивыми оказываются другие показатели. В частности, в городах, как правило, слабее демографиче-

⁷ В нашем анализе были совмещены данные по Архангельской области и Ненецкому АО, тем более что в состав последнего входят всего два муниципальных образования — городской округ Нарьян-Мар и Заполярный район, — а статистические данные по НАО по традиции приводятся вместе с данными по Архангельской области.

ская нагрузка на трудоспособное население, выше доля работающих и вообще занятых в экономике, доля обладающих высшим образованием и занимающихся бизнесом, доля имеющих стационарный телефон и интернет, ниже доля состоящих в браке и ведущих подсобное хозяйство, выше зарплата и меньше площадь жилых помещений в расчете на человека. Самый же, пожалуй, безошибочный признак, отделяющий город от деревни, — наличие горячей воды и канализации. Факторные значения (factor loadings) этих показателей для уровня урбанизации обычно наиболее велики, приближаясь по модулю к единице.

Следующий по значимости фактор — демографические характеристики, то есть этническая принадлежность, пол, возраст, демографическая нагрузка и т.п. В 61 регионе этот фактор занимает второе по степени влияния место, а в пяти (Санкт-Петербург, Калмыкия, Ленинградская, Московская и Мурманская области) — даже первое. Его значимость варьирует в диапазоне от нуля в Камчатском крае и Ханты-Мансийском АО до 53% в Ленинградской области.

Третий фактор — экономическая активность (занятость, самостоятельность) населения. Сюда входят обычно: доля имеющих высшее образование; доля работающих; доля ведущих подсобное хозяйство; доля получающих стипендию; доля получающих пособие по безработице; доля экономически активного населения; доля занятых в экономике; доля работающих не по найму; доля работодателей; количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек; доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования. В 39 регионах этот фактор занимает третье по влиятельности место, в 14 — второе, а в Ингушетии, где его значимость достигает 49%, — и вовсе первое.

Еще один часто встречающийся фактор — благополучие жителей и благоустроенность территории. Он охватывает такие характеристики, как наличие (отсутствие) горячего водоснабжения, канализации, стационарной телефонной связи и интернета, уровень зарплат, размер жилой площади. Этот фактор вышел на первое место по значимости в Москве, на второе — в Башкортостане и Камчатском крае, в 13 регионах он находится на третьем месте, в 15 — на четвертом, в 21 — на пятом. В Москве его доля в объясненной дисперсии достигает 30%, в Санкт-Петербурге — 29%. Довольно велика она также в Забайкальском (21%), Краснодарском (20%) и Камчатском (18%) краях, Сахалинской (20%) и Рязанской (17%) областях, Бурятии (19%), Башкортостане (16%) и Ямало-Ненецком АО (16%).

Разнообразие факторов социальной стратификации не исчерпывается перечисленными, однако менее значимые труднее интерпретировать — слишком велика вероятность впасть при этом в чрезмерный субъективизм. В связи с этим было решено не столько интерпретировать такие факторы, сколько относить их к той или иной достаточно широкой категории. В результате к четырем предыдущим факторам были добавлены еще два.

Пятый фактор был обозначен как уровень бюджетной поддержки населения и территории. К нему отнесены вариации, включающие такие показатели, как доля получающих стипендию, доля пенсионеров, доля получающих пособие по безработице, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах МО, зарплата работников муниципальных учреждений, отношение зарплат работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО. Этот фактор — второй по значимости в Забайкальском крае, еще в семи регионах он занимает третье место, в девяти — четвертое, в десяти — пятое. Его значимость достигает 20% в Москве, 19% — в Забайкальском крае, 17% — в Хабаровском, 12% — в Тульской области, 11% — в Амурской, 10% — в Карачаево-Черкесии и Еврейской автономной области.

Наконец, шестой фактор — социально-культурный уровень — охватывает вариации с показателями «доля имеющих высшее образование», «доля получающих стипендию», «доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет». Он занял второе место в Кабардино-Балкарии (21%), четвертое — на Камчатке (10%), пятое — в Оренбургской области (4%).

Последние два фактора ни разу, однако, не вошли в регрессионные модели, в которых роль зависимой переменной играли факторные значения (factor scores) электоральных размежеваний. Поэтому в данные кластерного анализа они включены не были, а в качестве основных факторов социальной стратификации использовались только первые четыре.

Результаты кластерного анализа

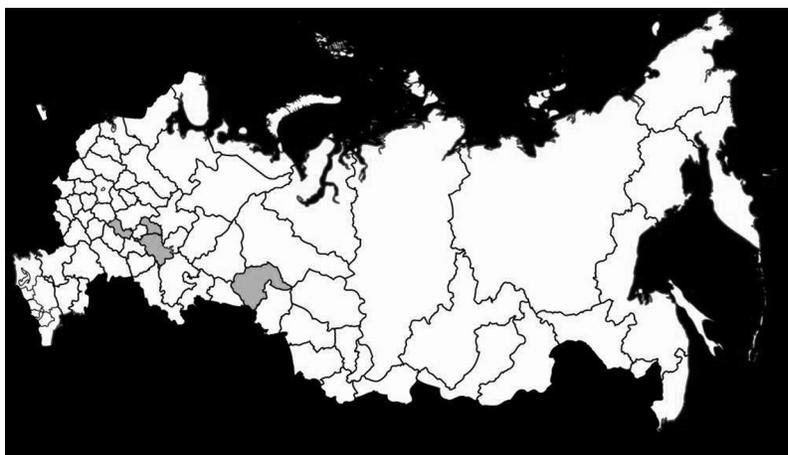
Предварительно выстроенная дендрограмма продемонстрировала, что регионы можно разбить на два и на пять кластеров. Назовем первые два кластера большими, вторые пять — малыми.

Первый большой кластер включает 23 региона, для которых характерны высокая явка избирателей (от 61,38% в Брянской области до 96,06% в Мордовии), сильная положительная корреляция между явкой и голосованием за ЕР (от $|R|=0,615$ в Тамбовской области до $|R|=0,972$ в Мордовии), небольшое число электоральных размежеваний (одно-два), высокая доля объясненной вариации для первого электорального размежевания (от 58,91% на Чукотке до 93,38% в Мордовии) и его очень сильная корреляционная связь с «авторитарно-демократическим» политическим размежеванием (от $|R|=0,86$ в Калужской области до $|R|=0,993$ на Чукотке).

Рассматриваемый кластер органично делится на два малых, в первый из которых входят всего четыре региона (см. *рис. 1*) — Марий Эл (явка — 75,7%, модуль корреляции между явкой и голосованием за ЕР — 0,951), Мордовия (96,06% и 0,972 соответственно), Татарстан (89,28% и 0,949) и Тюменская область (83,53% и 0,905). Факторный анализ выделил здесь всего одно электоральное размежевание, доля объясненной вариации которого составила от 85,15% в Марий Эл до 93,83%

в Мордовии. Это, естественно, размежевание по линии «власть—общественность» (корреляция с «авторитарно-демократическим» политическим размежеванием — от 0,898 в Марий Эл до 0,906 в Мордовии). В социально-экономическом плане данное размежевание тесно связано с фактором урбанизации (модуль стандартизированного бета-коэффициента — от 0,638 в Мордовии до 0,838 в Тюменской области), а в Татарстане — также с уровнем экономической активности ($|St.Beta|=0,317$) и демографическими характеристиками ($|St.Beta|=0,268$). Другими словами, электоральная интрига в этих регионах сводится исключительно к сопротивлению административному ресурсу, которое более или менее дает о себе знать в городах, но полностью отсутствует на селе.

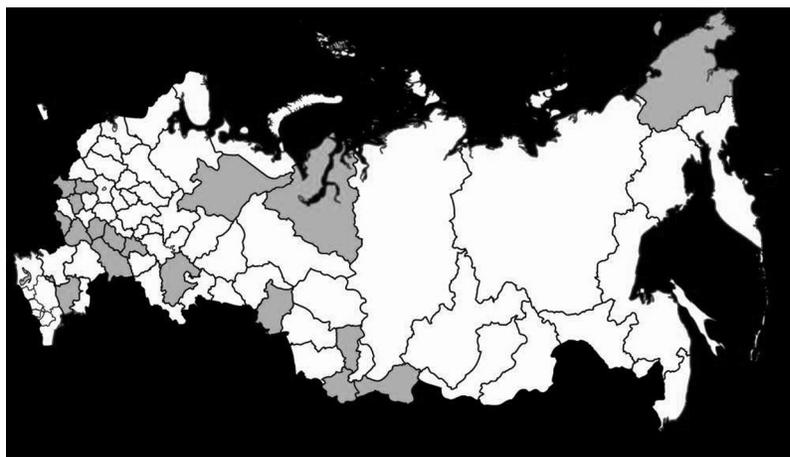
Рисунок 1

Второй малый кластер охватывает 19 регионов (см. *рис. 2*), в которых кроме «властно-общественного» (с долей объясненной дисперсии от 58,91% на Чукотке до 79,45% в Белгородской области) наличествует также второе электоральное размежевание с относительно небольшой долей объясненной дисперсии — от 10,05% в Омской области до 27,47% на Чукотке. Интерпретация этого второго размежевания — как политическая, так и социально-экономическая — уже не так проста. Только в четырех регионах — в Калмыкии ($|R|=0,801$), Ульяновской области ($|R|=0,616$), Башкортостане ($|R|=0,603$) и Чукотском АО ($|R|=0,573$) — прослеживается сколько-нибудь значимая связь между ним и первым политическим («социально-экономическим») размежеванием; еще в шести — в Ульяновской ($|R|=0,933$), Пензенской ($|R|=0,860$), Саратовской ($|R|=0,811$) и Белгородской ($|R|=0,670$) областях, Башкортостане ($|R|=0,739$) и Калмыкии ($|R|=0,585$) — со вторым («системным»). В Пензенской области это размежевание достаточно сильно коррелирует с третьим — «авторитарно-демократическим» — политическим разме-

жеванием ($|R|=0,635$). В Брянской, Воронежской, Калужской, Кемеровской, Омской, Орловской, Тамбовской областях, Адыгее, Туве, республиках Алтай и Коми, а также Ямало-Ненецком АО второе электоральное размежевание не поддается внятной политической интерпретации и чаще всего вызвано разбросом в величине доли недействительных бюллетеней.

Рисунок 2

Не так все просто и с обусловленностью электоральных размежеваний данного кластера факторами социальной стратификации. Начнем с первого, «властно-общественного», размежевания. В Воронежской, Калужской, Кемеровской, Орловской, Саратовской, Ульяновской областях и в Республике Алтай оно связано только с уровнем урбанизации, в Туве, Калмыкии и Чукотском АО — только с демографическими характеристиками, в Ямало-Ненецком АО — только с уровнем экономической активности, а в Республике Коми вообще не соотносится ни с одним из факторов социальной стратификации. В Башкортостане, Адыгее, Пензенской и Омской областях помимо уровня урбанизации на первое электоральное размежевание влияют также демографические характеристики, в Тамбовской области — уровень экономической активности, в Брянской области — и то и другое, в Белгородской области — демографические характеристики и уровень благополучия.

Что касается второго электорального размежевания, то в Туве, Брянской, Омской, Орловской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областях оно не имеет связей ни с одним из факторов социальной стратификации, в Воронежской и Кемеровской областях, Башкортостане и Ямало-Ненецком АО обусловлено уровнем урбанизации, в Республике Алтай, Белгородской и Калужской областях — демографическими характеристиками, в Ульяновской области — уровнем экономической

активности, в Адыгее — как уровнем урбанизации, так и демографическими характеристиками, в Республике Коми и Калмыкии — одновременно и уровнем урбанизации, и демографическими характеристиками, и степенью благополучия.

Таким образом, в регионах второго малого кластера политическая жизнь хоть и придавлена мощным административным прессом, но все-таки теплится. Ее признаки — это наличие второго электорального размежевания (связанного где с социально-экономическим противостоянием, где просто с выплесками протестных настроений) и более разветвленная система связей между электоральными размежеваниями и факторами социальной стратификации.

Промежуточное положение между первым и вторым большими кластерами занимает Краснодарский край, для которого характерны высокая явка избирателей (72,33%), сильная корреляция между явкой и голосованием за ЕР ($|R|=0,693$), наличие двух электоральных размежеваний, первое из которых (54,3% объясненной дисперсии) сильно коррелирует с «авторитарно-демократическим» политическим ($|R|=0,847$), а второе — с «социально-экономическим» ($|R|=0,8$). У первого электорального размежевания, однако, нет связи ни с одним из факторов социальной стратификации, зато второе связано одновременно с уровнем урбанизации ($|St.Beta|=0,586$), уровнем экономической активности ($|St.Beta|=0,241$) и демографическими характеристиками ($|St.Beta|=0,22$). Иначе говоря, политическая жизнь в Краснодарском крае присутствует, затрагивая достаточно широкие слои населения, но власти региона явно перегнули палку в стремлении обеспечить «Единой России» максимально возможный процент, приписывая ее голоса повсюду, а не только в сельской глубинке.

Второй большой кластер объединяет 59 регионов, ситуация в которых так или иначе отличается от ситуации в регионах первого большого кластера. Здесь либо не так высока явка, либо не так сильна корреляция между явкой и голосованием за ЕР, либо не так велика доля объясненной дисперсии первого электорального размежевания.

Этот кластер, в свою очередь, можно разделить на три малых. Прежде всего стоит обратить внимание на группу кавказских регионов (Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия) (см. рис. 3). Здесь очень высока явка избирателей (от 86,66% в Ингушетии до 99,45% в Чечне), но незначительна корреляция между явкой и голосованием за ЕР (в Кабардино-Балкарии она и вовсе отрицательная: $R=-0,708$). В каждом из этих регионов выявлено по три электоральных размежевания, причем первое из них нигде не достигает до 50%, составляя от 33,59% в Карачаево-Черкесии до 45,36% в Ингушетии, значимость второго колеблется в диапазоне от 18,43% в Дагестане до 28,19% в Северной Осетии, а третьего — от 12,71% в Дагестане до 16,32% в Ингушетии. Первое электоральное размежевание везде, кроме Кабардино-Балкарии, сильно коррелирует с «авторитарно-демократическим» политическим, второе везде, кроме Северной Осе-

тии и Чечни, — с «социально-экономическим». В Северной Осетии, Чечне и Дагестане с «социально-экономическим» политическим размежеванием довольно тесно связано третье электоральное: в Северной Осетии модуль коэффициента корреляции между ними достигает 0,458, в Чечне — 0,503, а в Дагестане — 0,604. В общем, воспроизводится картина, на первый взгляд типичная для общероссийского уровня.

Рисунок 3

Однако при построении регрессионной модели начинаются странности. Выясняется, что во всех регионах этого кластера электоральные размежевания слабо связаны с факторами социальной стратификации. Так, первое электоральное размежевание, заключающееся в противостоянии между ЕР и остальными участниками избирательного процесса, нигде, кроме Чечни, не имеет отношения ни к одному из факторов социальной стратификации; в Чечне же оно в достаточно высокой степени зависит от уровня экономической активности ($|St.Beta|=0,684$). Второе, «право-левое», электоральное размежевание в Чечне связано с демографическими характеристиками ($|St.Beta|=0,496$), а в Северной Осетии — с уровнем экономической активности ($|St.Beta|=0,662$). Третье электоральное размежевание в Кабардино-Балкарии коррелирует с уровнем урбанизации ($|St.Beta|=0,617$), в Ингушетии — с уровнем экономической активности ($|St.Beta|=0,794$). В Дагестане и Карачаево-Черкесии ни одно из электоральных размежеваний вообще не связано ни с одним из факторов социальной стратификации. Создается впечатление, что партии на Северном Кавказе борются не за поддержку избирателей, а за благосклонность избирательных комиссий и покровительствующих последним властных кланов. По всей видимости, так оно и есть. Понятно, что здесь, как и по всей стране, в привилегированном положении находится ЕР, но кое-где кое-что способны выпросить и другие партии.

Поэтому нам интересны не те случаи, где цифры берутся с потолка, а те, где электоральные размежевания хоть как-то соотносятся с социальной стратификацией. Рассмотрим эти случаи отдельно.

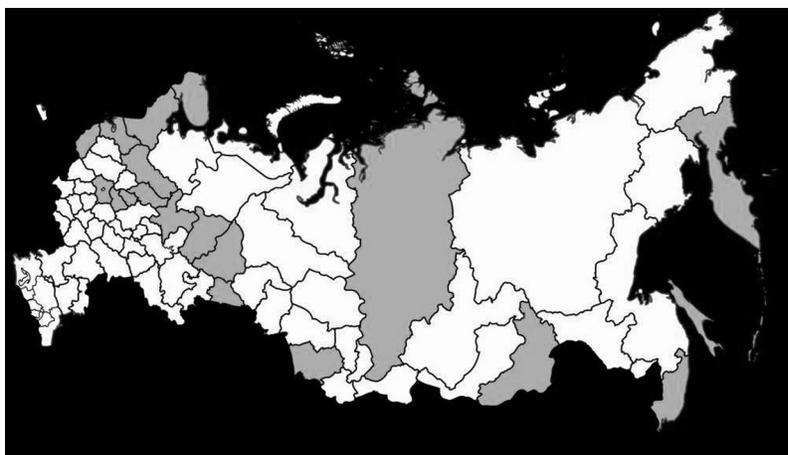
Начнем с Кабардино-Балкарии, где корреляция между явкой и голосованием за ЕР оказалась отрицательной (всего по России зафиксировано три таких случая; другие два — в Карелии и Ненецком АО). При фантастической явке (около 98%) здесь довольно много голосов получила КППРФ (от 10,31 до 32,9% в разных территориальных избиркомках), и первое электоральное размежевание заключается в противостоянии именно между нею и остальными участниками (прежде всего ЕР, «Справедливой Россией» и ЛДПР), тогда как противостояние между «партией власти» и всеми остальными определило содержание лишь второго по значимости электорального размежевания. Однако ни первое, ни второе электоральные размежевания никак не связаны с социальной стратификацией. Такая связь обнаружилась лишь у третьего: в преимущественно русских муниципальных образованиях предпочитали протестовать портя бюллетени, в районах с низкой долей русского населения — голосуя за «Правое дело». При этом дисперсия здесь была очень невелика — в пределах 0,5%.

Другой интересный казус представила Чечня, где ни в одной из ТИК явка избирателей и процент голосов, отданных за ЕР, не опустились ниже 99%. Отсюда, собственно, и слабая корреляция между явкой и голосованием за «партию власти», а также относительно небольшая значимость первого электорального размежевания — 37,25%. Поскольку дисперсия укладывается в десятые доли процента, то нет места для какого-либо размаха борьбы, которая идет, по сути, за жалкие крохи электорального пространства. Можно предположить, что Рамзан Кадиров милостиво разрешил гражданам голосовать за какую угодно партию и около полупроцента избирателей этим правом воспользовались. На этом пятачке и поместилось конкурентное поле республиканской политики. Остальные бюллетени были подарены ЕР.

Второй малый кластер второго большого составила группа из 20 регионов, включающая большую часть краев с трудными климатическими условиями (Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский), регионов Северо-Запада (Карелия, Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская, Мурманская области) и Центрального Нечерноземья (Владимирская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Московская области), а также Кировскую, Свердловскую, Курганскую и Сахалинскую области (см. *рис. 4*). Явка в этой группе ниже средней по стране (кроме Камчатского края, где она чуть превысила среднероссийскую, — 61,71%), а связь между явкой и голосованием за ЕР — самая разная: в Карелии — отрицательная ($R=-0,348$), в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Сахалинской, Свердловской, Московской областях, Пермском и Алтайском краях — положительная, но меньше 0,5; в Камчатском, Красноярском, Приморском краях, Владимирской, Кировской и Вологодской областях — между 0,5 и

0,6; в Мурманской, Ивановской, Костромской, Псковской областях и Забайкальском крае — между 0,6 и 0,8; в Курганской области — 0,813. В подавляющем большинстве регионов факторный анализ выявил по три электоральных размежевания, в Свердловской области — четыре, во Владимирской и Мурманской областях — по два. При этом только в Курганской области значимость первого электорального размежевания достигает 50%, в остальных регионах она ниже, причем кое-где (Карелия, Свердловская область, Пермский край) — существенно.

Рисунок 4

Во всех без исключения регионах первое электоральное размежевание имеет сильную корреляцию с «авторитарно-демократическим» политическим, в Алтайском, Красноярском, Пермском краях, Вологодской и Костромской областях — также с «системным», в Санкт-Петербурге — с «социально-экономическим».

Второе электоральное размежевание достаточно сильно коррелирует с «социально-экономическим» политическим в Санкт-Петербурге, Владимирской, Ленинградской, Московской областях, Красноярском и Забайкальском краях; в Санкт-Петербурге и Забайкальском крае — также с «системным»; в Карелии, Камчатском крае, Вологодской и Ивановской областях — с «авторитарно-демократическим».

В Карелии, Московской области и Приморском крае с «социально-экономическим» политическим размежеванием тесно связано третье электоральное. В Московской области последнее также имеет высокую корреляцию с «системным» политическим.

Другими словами, примерно в половине регионов данного кластера второе или третье электоральное размежевание отражает противостояние социал-патерналистов и либералов-рыночников, в остальных — главным образом идеологически неоформленные протестные настроения.

Почти везде, кроме Санкт-Петербурга (по естественным причинам), Сахалинской и Мурманской областей, а также Забайкальского края, первое электоральное размежевание связано с уровнем урбанизации, в Свердловской, Псковской, Курганской областях, Пермском и Приморском краях — также с демографическими характеристиками. В Карелии, Ивановской и Ленинградской областях к этим двум факторам добавился еще и уровень экономической активности, в Кировской и Владимирской областях — уровень благополучия. В Московской, Вологодской областях и Алтайском крае на первое электоральное размежевание влияют уровни урбанизации и экономической активности, в Кировской, Костромской областях и Красноярском крае — уровни урбанизации и благополучия, в Санкт-Петербурге и на Сахалине — уровень экономической активности, в Мурманской области — демографические характеристики и уровень благополучия, в Забайкальском крае — демографические характеристики и уровни экономической активности и благополучия, в Ивановской области — все четыре фактора. Таким образом, в этом кластере нет ни одного региона, где первое электоральное размежевание не обусловлено хотя бы одним фактором социальной стратификации, как правило же — несколькими.

Второе электоральное размежевание не связано ни с одним из факторов социальной стратификации лишь в четырех регионах: Карелии, Псковской области, Пермском и Приморском краях. В Красноярском крае оно зависит от всех четырех, в Санкт-Петербурге, Забайкальском крае, Ленинградской, Мурманской, Сахалинской областях — от трех, во Владимирской, Костромской и Свердловской областях — от двух.

Третье электоральное размежевание социально не обусловлено в шести регионах: Санкт-Петербурге, Карелии, Владимирской, Вологодской, Мурманской областях и Камчатском крае. В Свердловской области оно связано сразу с тремя факторами, в Ивановской области, Алтайском и Пермском краях — с двумя.

«Рекордсменом» по обусловленности электоральных размежеваний социальной диверсификацией явилась Свердловская область: там зафиксирована связь всех четырех электоральных размежеваний сразу с несколькими факторами социальной стратификации.

Данный кластер можно считать своего рода ядром электоральной жизни страны: здесь наиболее высок уровень конкуренции, а на результаты голосования в наибольшей степени влияет социальная диверсификация общества.

Наконец, последний малый кластер второго большого — некая модель «среднего» российского региона. Сюда вошли 32 субъекта Федерации с самых разных концов страны — от Калининграда до Магадана (см. рис. 5). В пяти из них (Москва, Удмуртия, Липецкая и Ростовская области, Ханты-Мансийский АО) явка примерно соответствует средне-российской, в четырех (Чувашия, Якутия, Нижегородская и Тульская области) — немного выше, в остальных ниже. В 27 регионах коэффи-

коэффициент корреляции между явкой и голосованием за ЕР превысил 0,55, в 25 — 0,6, в 21 — 0,7, в 5 — 0,8. В подавляющем большинстве регионов факторным анализом выявлено по два электоральных размежевания (в Москве, Нижегородской и Новосибирской областях — по три), причем значимость первого варьирует в диапазоне от 46,42% в Самарской области до 65,35% в Магаданской, а второго — от 12,12% в Москве до 27,06% в Волгоградской области.

Рисунок 5

Первое электоральное размежевание в данном кластере достаточно сильно коррелирует с «авторитарно-демократическим» политическим (модуль коэффициента корреляции от 0,544 в Ярославской области до 0,961 в Чувашии, причем в 27 регионах он превышает 0,7, в 24 — 0,8, в 5 — 0,9). Второе электоральное размежевание в 14 регионах тесно связано с «социально-экономическим» политическим (модуль коэффициента корреляции от 0,518 в Удмуртии и Амурской области до 0,803 в Чувашии), а в Якутии — с «системным» ($|R|=0,516$) и «авторитарно-демократическим» ($|R|=0,708$). В Нижегородской области третье электоральное размежевание сильно коррелирует с «социально-экономическим» политическим ($|R|=0,719$) и вполне значимо — с «системным» ($|R|=0,524$).

Что касается обусловленности социальной стратификацией, то только в Москве первое электоральное размежевание оказалось не связано ни с одним из соответствующих факторов (дополнительное подтверждение справедливости догадок о приписке голосов «Единой России», проведенной к тому же самым грубым, «сплошным», способом). В Чувашии и Ханты-Мансийском АО первое электоральное размежевание связано с уровнем экономической активности, в Магаданской области — с демографическими характеристиками, во всех остальных регионах — с уровнем урбанизации, причем во многих — и с другими

факторами: в Архангельской области (с Ненецким АО) — со всеми, в Удмуртии, Ставропольском крае и Амурской области — с демографическими характеристиками и уровнем экономической активности, в Бурятии, Астраханской, Липецкой и Новосибирской областях — с демографическими характеристиками и уровнем благополучия, в Хабаровском крае — с уровнями экономической активности и благополучия, в Новгородской, Оренбургской, Смоленской, Томской и Ярославской областях — с демографическими характеристиками, в Якутии, Калининградской, Самарской, Челябинской областях — с уровнем экономической активности, в Рязанской области — с уровнем благополучия.

Второе электоральное размежевание не обусловлено факторами социальной стратификации только в восьми регионах — Хакасии, Амурской, Курской, Липецкой, Магаданской, Новгородской, Смоленской и Тверской областях. В девяти оно связано с каким-то одним фактором: в Чувашии, Ставропольском крае, Волгоградской и Тульской областях — с уровнем урбанизации, в Нижегородской и Новосибирской областях — с демографическими характеристиками, в Якутии — с уровнем экономической активности, в Москве и Еврейской автономной области — с уровнем благополучия. В 10 регионах это электоральное размежевание зависит от двух факторов социальной стратификации (в Астраханской, Оренбургской, Ростовской, Самарской областях — от уровня урбанизации и демографических характеристик, в Челябинской области — от уровней урбанизации и экономической активности, в Иркутской и Ярославской областях — от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Удмуртии и Рязанской области — от демографических характеристик и уровня благополучия, в Хабаровском крае, Томской области и Ханты-Мансийском АО — от уровней экономической активности и благополучия), еще в двух — от трех факторов (в Бурятии — от уровня урбанизации, демографических характеристик и уровня благополучия, в Архангельской области с Ненецким АО — от уровней урбанизации, экономической активности и благополучия).

Наконец, в Москве третье электоральное размежевание обусловлено сразу тремя факторами социальной стратификации — демографическими характеристиками ($|\text{St.Beta}|=0,507$), уровнем экономической активности ($|\text{St.Beta}|=0,251$) и уровнем благополучия ($|\text{St.Beta}|=0,199$). Это лишний раз доказывает, что в столице имело место свободное, социально обусловленное волеизъявление избирателя, но всякого рода административными уловками оно было вытеснено на задворки и проявилось только в третьем по значимости размежевании (11,7% объясненной дисперсии).

Таким образом, в лице этого кластера перед нами предстает своего рода «усредненная» Россия — податливая, как и вся страна, административному ресурсу, но в меру своих способностей дающая ему отпор и в меру возможностей высказывающая собственное мнение относительно дальнейших путей развития общества.

Заключение

Итак, в ответ на вопрос о том, насколько электорально «жива» или «мертва» Россия, можно перефразировать Михаила Жванецкого: жива, но не везде, не во всем и в недостаточной степени.

Прежде всего необходимо указать на наиболее проблемный участок — Северный Кавказ (Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия). Здесь реальная электоральная жизнь практически полностью подменена бумажным «творчеством» избирательных комиссий, находящихся под плотным контролем правящей бюрократии, и теплится лишь где-то на периферии. Это агониальные конвульсии.

Недалеко от этого состояния ушел и кластер, состоящий из Мордовии, Марий Эл, Татарстана и Тюменской области. Здесь административный ресурс тоже полностью подмял под себя голосование граждан, тем не менее в городах еще не погашены до конца очаги сопротивления — именно они и обеспечивают первому электоральному размежеванию достаточно солидную дисперсию. Это кома: организм еще жив, но сознания нет, и клиническая смерть того и гляди превратится в биологическую.

К этому кластеру примыкает другой, включающий 19 регионов — Адыгею, Башкортостан, Калмыкию, республики Коми и Алтай, Туву, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Белгородскую, Брянскую, Воронежскую, Калужскую, Кемеровскую, Омскую, Орловскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую и Ульяновскую области. Здесь влияние административного ресурса несколько слабее, в результате чего высвобождается пространство для второго электорального размежевания, нередко вполне внятно интерпретируемого политически и обусловленно-социально. Этот больной иногда приходит в сознание и произносит нечто осмысленное.

Наиболее усредненный по характеристикам кластер образует самая большая группа регионов (31): Москва, Бурятия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Якутия, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская (с Ненецким АО), Астраханская, Волгоградская, Иркутская, Калининградская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ханты-Мансийский АО, Еврейская автономная область. К кластеру, в сущности, примыкает и 32-й регион — Краснодарский край. Здесь голосование в большей степени, чем в предыдущем кластере, зависит от выбора избирателя и обусловлено социальными характеристиками последнего. Тем не менее административный ресурс если не заглушает свободное волеизъявление электората, то отодвигает его на задний план. Этого больного с непонятными (а точнее, с хорошо понятными) целями то и дело вводят в состояние искусственной комы, не давая ему жить нормальной жизнью.

Наконец, самый «свободный» кластер составили 20 регионов: Санкт-Петербург, Карелия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский,

Красноярский, Пермский и Приморский края, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Псковская, Сахалинская и Свердловская области. Здесь административный ресурс в наименьшей (хотя все равно большой) степени влияет на избирателя, руководствующегося в своем выборе и иными, отличными от воли начальства, соображениями. Этот выбор не всегда четко интерпретируем политически, но почти всегда достаточно серьезно обусловлен социально. Другими словами, больного пичкают психотропными средствами, но он остается в сознании и, возможно, даже не потерял надежду выйти из больницы. Будем надеяться, что ему это удастся.

Библиография

Ахременко А.С. 2007. *Структуры электорального пространства*. — М. [Akhremenko A.S. 2007. *Struktury ehlektoral'nogo prostranstva*. — М.].

Коргунюк Ю.Г. 2009. Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // *Полития*. № 4 [Korgunyuk Yu.G. 2009. *Psevdodominantnaja partiijnaja sistema i predpochtenija rossijskikh izbiratelej* // *Politeia*. № 4].

Коргунюк Ю.Г. 2012а. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра*. — М. [Korgunyuk Yu.G. 2012a. *Struktura ehlektoral'nykh razmezhevanij v postsovetsoj Rossii i perspektivy politicheskogo razvitija strany* // *Partii i vybory: vchera, segodnja, zavtra*. — М.].

Коргунюк Ю.Г. 2012б. Структура электоральных размежеваний в избирательном цикле 2011—2012 и возможные сценарии развития ситуации // *Полития*. № 3 [Korgunyuk Yu.G. 2012b. *Struktura ehlektoral'nykh razmezhevanij v izbiratel'nom cikle 2011—2012 i vozmozhnye scenarii razvitija situacii* // *Politeia*. № 3].

Коргунюк Ю.Г. 2013. Концепция размежеваний и факторный анализ // *Полития*. № 3 [Korgunyuk Yu.G. 2013. *Koncepcija razmezhevanij i faktornyj analiz* // *Politeia*. № 3].